

Туманова Ольга Сергеевна
аспирант кафедры русской литературы
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
Tumanova_os@mail.ru

«СКАНДИНАВСКИЙ ДИПТИХ» А.Н.МАЙКОВА (ПОЭМЫ «БАЛЬДУР» И «БРИНГИЛЬДА»): ДИАЛОГ СО СТАРШЕЙ ЭДДОЙ

Статья посвящена художественному диалогу поэм А.Н. Майкова, условно объединяемых в «скандинавский диптих», с их литературным первоисточником – Старшей Эддой, поэтическим сборником древнеисландских песен о богах и героях, самым крупным и наиболее известным источником представлений о скандинавской мифологии.

Ключевые слова: мифологические образы; скандинавская мифология; мифотворчество; пересечение культурных контекстов; женские образы.

Среди обращений русской поэзии к самой северной из востребованных культурой XIX века мифологических систем – скандинавской – особо стоит отметить «скандинавские» поэмы А.Н. Майкова – «Бальдур» (1870) и «Брингильда» (1888), которые представляют собой весьма качественную переработку отдельных исландских саг и песен «Старшей Эдды». Время создания этих поэм пришлось на период господства прозы. Романтическая традиция воспевания красот холодного Севера, скальдов и опустевших чертогов «внуков Одена», которую можно найти в лирике Е.А. Баратынского, К.Н. Батюшкова и А.С. Пушкина, уходит на периферию литературного процесса, становясь объектом внимания представителей «чистого искусства». А.Н. Майков впервые вводит в поэтический обиход практически весь скандинавский пантеон: Одина, Бальдера, Локи, валькирий, Фригг, а также эпического героя Сигурда – и тем самым задаёт направление дальнейшим интерпретациям образов скандинавских богов и героев. По всей вероятности, именно его поэмы стали основой для индивидуального мифотворчества на базе скандинавской мифологии в Серебряном веке. Поэмы «Бальдур» и «Брингильда» создаются на пересечении сразу нескольких традиций: архаико-эпической, оссианической и былинной. Данное исследование посвящено рецепции русской поэзией Нового времени образов архаической скандинавской культуры, их последующей адаптации и функционированию в качестве героев ролевой лирики, носителей «чужого слова».

Очевидно также, что избрание в качестве ролевых героев мифологических либо мифологизированных персонажей оказывается взаимосвязано с такими специфическими особенностями поэтической культуры, как автотомифологизация и индивидуальное мифотворчество. Выбранный ракурс исследования позволит ответить на вопрос о статусе образа Скандинавии в российском культурном сознании XIX века и возможном включении этого образа в широкий контекст «скандинавского текста» русской литературы.

Обращение А.Н. Майкова к «скандинавской теме» стимулировалось непосредственными впечатлениями Майкова от коммуникации со шведами и норвежцами во время его посещения Норвегии. Пребывание поэта в норвежском городе Арендале и чтение книг народного эпоса, в первую очередь, «Старшей Эдды» (или песенной Эдды), «внушили ему поэму «Бальдур» [Гидони 1972: 117] – песнь о солнце по сказаниям скандинавской Эдды.

Поэма А.Н. Майкова «Бальдур, или Песнь о солнце, по сказаниям Скандинавской Эдды» (1870) построена по принципу «сказания в сказании», вполне характерном для эддических песен. Поэма представляет собой блестящую и вполне логично построенную контаминацию сразу нескольких песен «Старшей Эдды» о богах и героях: «Прорицание вельвы», «Речи Гримнира», «Перебранка Локи», «Речи Сигрдривы» и «Песнь о Сигруде». Вкратце сообщим сюжет: конунг, потерявший единственного сына и тяжело переживающий утрату, встречает бродячего «вещего старца» (судя по всему, скальда, хотя прямая номинация в тексте отсутствует; отметим, что в более поздней поэме «Брингильда» вещий старец приобретёт имя Снорро, вызывающее прямые ассоциации с автором «Младшей Эдды»), который в утешение рассказывает историю о гибели Бальдура, сына Одина. Образ скальда в поэме «Бальдур» организует рекурсивную композицию поэмы, в этом стихотворении данный образ создаётся по древнескандинавскому канону, изображающему поэта как медиатора между мирами Асгарда и Мидгарда, вовремя открывающего смертным общность их судеб с богами-асами. Такой параллелизм сюжетных линий и смешение земного и божественного начал неслучаен: для скандинавской мифологии весьма характерно «сознание общности судеб богов и людей в конфликте с силами, несущими упадок и окончательную гибель всему живому» [Гуревич 1975: 19]. Центральная тема обеих скандинавских поэм А.Н. Майкова прямо совпадает с центральной темой эддических песен, которую можно обозначить как «герой перед лицом судьбы» [Там же]: «*И боги / Сами ждут судьбы своей покорно*» [Майков 2004: 22 784]. Этим подчёркнута непрекращающуюся взаимосвязь («*Девы битв, Валкириш, возводят / Павших в небо...*» («Бальдур») [Там же: 22 786]) и родство двух

этих миров перед лицом грядущей гибели – Рагнарёка: *«Он умрет - все в мире пошатнется, / И настанет общее крушение»* [Там же: 22 788].

Любопытно, что, будучи инспирированной древнескандинавской эпической традицией, поэма попала под влияние и русского архаического эпоса. Образ «вещего старца» навеян русской фольклорной традицией; Бальдер, «добывающий» себе жену Нанну из «терема», стоящего в середине огненного кольца, конечно, вызывает определённые ассоциации с Сигурдом и спящей валькирией, однако русскому читателю того периода этот сюжет больше напомнил бы «королевича» из русских народных сказок; в центре мироздания поэт помещает не ясьень, а дуб (в данном контексте будет полезно вспомнить замечание А.А. Афанасьева: «Предания о мировом древе славяне относили преимущественно к дубу. В их памяти сохранились сказания о дубах, которые существовали ещё до сотворения мира» [Афанасьев 1982: 214]); жена Одина Фригга имеет способность к оборотничеству: *«Фригга, вздев пернатую сорочку / Обернулась лебедью...»* [Майков 2004: 22 795], что снова напоминает одновременно и церевен-лебедей из народных сказок, и валькирий из скандинавского эпоса. Автор аккуратно русифицирует скандинавские мифологические образы, делая их близкими и понятными русскому читателю, не знакомого или же имеющего весьма ограниченное знакомство с миром «Старшей Эдды».

В поэме «Брингильда» (1888) впервые в русской традиции в центре объемного лиро-эпического произведения оказывается образ валькирии. Это своеобразный шедевр поэта, соединивший высокохудожественную интерпретацию одного из наиболее известных сюжетов Старшей Эдды и рельефность изображения «женщины в трагической, но вполне реальной ситуации» [Стеблин-Каменский 1967: 47]. «Брингильда» – это вариация на тему древнегерманской «Песни о Нибелунгах» (выросшей, в свою очередь, из сохранившейся во фрагментах древнескандинавской «Саги о Вэльсунгах» и уцелевших фрагментарно «Песен о Сигурде»). При этом А.Н. Майков, несмотря на значительно большую известность «Песни о Нибелунгах», следует именно древнеисландскому образцу, согласно которому Брингильда – королева-валькирия (*«Крошкой Валькирией» звали тогда уж меня, / После уж "Грозной Валькирией" прозвали...*) [Майков 2004: 22 800], изначально предназначенная в жёны Сигурду, который из-за колдовства забыл невесту и женился на Гудрун.

С сюжетом «Саги о Вэльсунгах» Майков обращается весьма свободно. В поэме отсутствует тема ослушания валькирии и ослаблен мотив борьбы с судьбой: героиня сама запирается в замке на горе для того, чтобы облегчить себе выбор мужа: *«Только тот смелый, кто в замке добудет меня, - / Только один он и будет мне муж»* [Там же: 22 805]. Степень влияния русской эпической традиции на текст поэмы близится к нулю, ес-

ли не учитывать полилог пяти королей, напоминающий литературную адаптацию причетания по погибшим мужьям: (*«Знаю, голубонька! Тяжкое горе твое! / Светлый был свет на душе - темна ночь налегла!»*) [Там же: 22 795]. Автор психологизирует образ персонажа Старшей Эдды. Эддическая Брингильда – своего рода, персонаж-функция, лишённый предыстории, являющийся эпизодом на пути становления эпического героя Сигурда. Е.М. Мелетинский отмечал: «Собственно любовные мотивы играют в сагах незначительную роль» [Мелетинский 1983: 478]. Майков же изображает Брингильду как трагического персонажа, эпическую героиню, равнозначную Сигурду, который в поэме возникает лишь в воспоминаниях пяти королей-плакальщиц, вынужденную существовать в мире «малых дел», принадлежать нелюбимому мужчине и участвовать в придворных интригах. Самоубийство Брингильды на погребальном костре Сигурда – не загадочный и необъяснённый поступок существа из иного мира (как в «Саге о Вёльсунгах»), а акт воссоединения влюблённых, надежда на обретение счастья: (*«Не здешнее - счастье мое! / Счастье мое - и не здешняя мера ему, / Счастье мое без конца, без предела и - с ним!»*) [Майков 2004: 22 810]. В поэме «Брингильда» Майков усиливает драматическое начало, гармонизирующее и очеловечивающее эпический пафос: монологи королей напоминают солилоквии, а в «Примечаниях для чтения вслух» поэт сообщает: «читайте как прозу, но выразительно, где требуется, и с ударением на тех слова в стихах, на которые следует по смыслу» [Там же: 22 810].

Скандинавский диптих А.Н. Майкова, с одной стороны, может считаться своеобразным вариантом поэтического травелога, с другой стороны, является уникальной и не имеющей аналогов контаминацией сразу нескольких песен «Старшей Эдды» о богах и героях. Хотя мы не сталкиваемся в данном случае с хронологически цельным явлением, которое можно было бы обозначить как самостоятельный «скандинавский» этап творческого пути А.Н. Майкова, но если иметь в виду тенденции его эволюции как поэта, то становится очевидным, что «скандинавская тема» была для него, без сомнений, этапной, значимой и художественно продуктивной.

Библиографический список

Афанасьев А. А. Мировое древо: избранные статьи (под ред. В.П. Кирдан). М.: Современник, 1982. 464 с.

Гидони А. Г. Скандинавская тема в творчестве Майкова // Север. 1972. Вып. 2. С.115–119.

Гуревич А. Я. «Эдда» и сага. М.: Наука, 1979. 192 с.

Майков А. Н. Русская поэзия XVII – XX веков. Электронная библиотека: Шедевры мировой культуры на CD. М.: ДиректМедиа Пабблишинг, 2004. 47 156 с.

Мелетинский Е. М. Исландские саги. История всемирной литературы: В 8 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1984. С. 476–478.

Старшая Эдда (вступ. статья А. Гуревича). М.: Художественная литература, 1975. 752 с.

Стеблин-Каменский М. И. Культура Исландии. Л.: Наука, 1967. 182 с.

O. S. Tumanova

Postgraduate Student of Russian Literature Department

Perm State University

“NORSE DIPTYCH” BY A.N. MAYKOV (POEMS ‘BALDUR’ AND “BRUNHILDA”): A DIALOGUE WITH POETIC EDDA

This article is devoted to artistic dialogue of poems (also known as “Norse diptych”) by A.N. Maykov with their literature original source – Poetic Edda, anthology of the Old-Icelandic songs about gods and heroes. Furthermore, Poetic Edda is the greatest and the most famous collection of the notions about Norse mythology.

Key words: mythological types; Norse mythology; myth-making; women types; crossing of culture contexts.